что Декарт, радовавшийся своей победе над заблуждением, лишь заменил его затейливой ложью» (стр. XXII).

Однако другое бедствие заставляет князя опасаться, что науки и искусства не смогут долго продержаться в полном великолепии: «Европа, охваченная сегодня войной, порождает лишь племя солдат и, кажется, готовит те перевороты, которые уничтожили ее под лавиной Кимвров и Вандалов» (стр. XXIV—XXV). На это Тюрпен безмятежно отвечает: «Эти примеры, князь, совершенно не должны вас пугать. Если победителями окажутся просвещенные и культурные народы, война только послужит распространению искусств. Все европейские нации шествуют сегодня при свете факела науки; народы Танаиса и Волги обладают учтивостью римлян и вежливостью греков: гордые потомки галлов и тевтонов не сохранили никаких следов дикости своих предков; таким образом, из какой бы страны ни происходил народ-завоеватель, наукам нечего опасаться его господства. Петербург и Берлин подтверждают это» (стр. XXV—XXVI).

Как справедливо думает князь Куракин, война иногда задерживает развитие искусств: «Взгляды нации устремлены на тех, кто сражается за нее; прекраснее мужественно осуществлять опасные предприятия, чем красноречиво их описывать; поэтому ученого затмевает герой» (стр. XXVI).

Тюрпен соглашается с этим, однако, по его мнению, опыт прошлого укрепляет веру в прогресс, несмотря на все войны: «Хотя сегодня одно европейское государство содержит больше войска, чем имели два века назад все державы вместе, — это новое государственное устройство не может остановить прогресса духа. Ученый и воинственный Египет произвел на свет ученых и завоевателей; древняя Греция просвещала мир своими писаниями и наводила на него ужас своим оружием. Все самые просвещенные столетия были столетиями войн. Именно среди жестокостей Триумвирата, когда Рим раздирает свои внутренности и пожирает собственных детей, — именно тогда создают свои гениальные памятники Гораций и Вергилий. Среди воинственных тревог Франциск I посадил рядом с собой на трон Науки и Искусства. Среди потрясений, колебавших ее остров, рождает Англия шедевры, которые позволили ей занять столь выдающееся место в империи Словесности» (стр. XXVII—XXVIII).

Кроме того, военное искусство тоже имеет свои преимущества, и Тюрпен рисует картину этих преимуществ с простодушием автора, не имеющего ни малейшего военного опыта: «Искусство, поднимающее мужество над опасностями, заставляющее предпочесть тернистые тропы славы наслаждениям отдыха, может внушить нам лишь общественные добродетели и возвышенные идеи. Общественная нравственность находит отравленные источники вовсе не в военном лагере; роскошь если и появляется там, то лишь делает смешным того, кто выставляет ее напоказ, чтобы